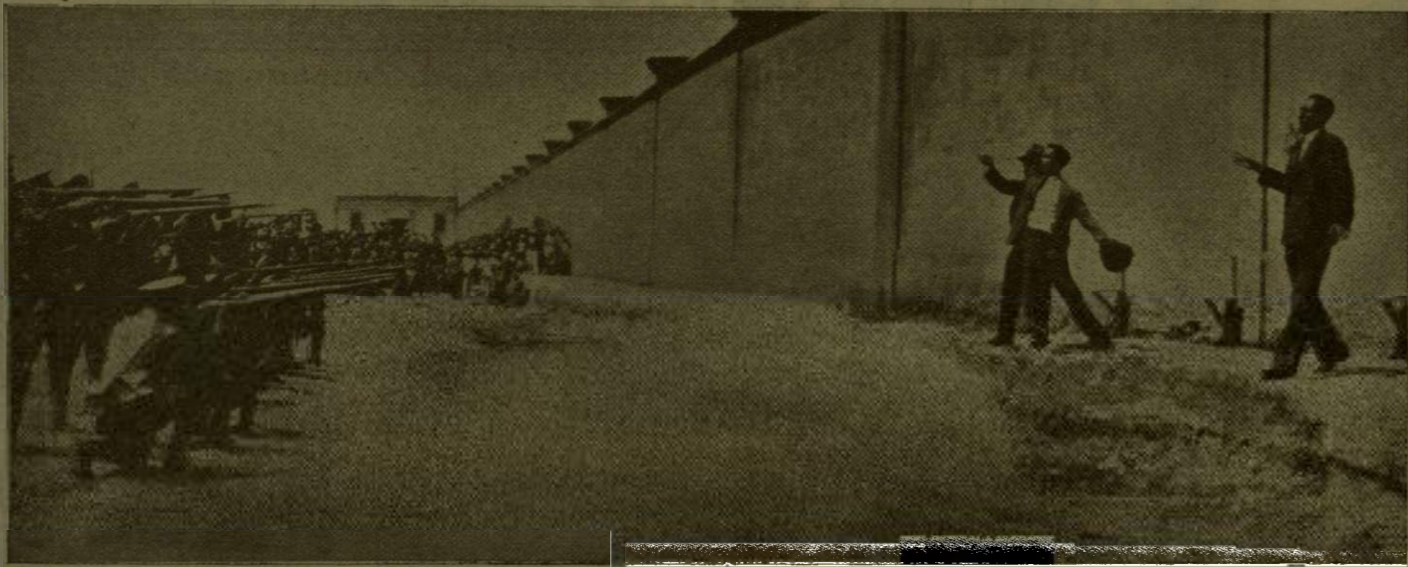

За секунду до смерти...

РАССКАЗ ТРЕХ ПРЕСТУПНИКОВ ВЪ ГВАТЕМАЛЬ

Воспроизводимый нами снимок — один из редких фотографических документов, запечатлѣвающих страшный момент казни. Преступники — три негра, обвиняемые в убийствѣ бѣлыхъ женщинъ, до самаго конца не переставали протестовать и заявлять о своей невинности. Снимокъ сдѣланъ за нѣсколько мгновений до рокового залпа.

тая линия, проходившая черезъ лобъ бонны.

Причина смерти бонны такъ и осталась для врачей непонятной. Они приписали кончину ея "разрыву мозговыхъ сосудовъ", но не могли объяснить происхожденія страннаго пятна на лбу: въ протоколѣ было сказано, что это пятно "похоже на ожогъ рентгеновскими лучами".

Несмотря на тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня этой смертью, я не могъ побороть своего любопытства, и мнѣ хотѣлось во кто бы то ни стало произвести второй опытъ. На этотъ разъ, послѣ долгаго размышленія, я избралъ объектомъ его человѣка, жившаго въ домѣ противъ насъ. Онъ не обладалъ такимъ сквернымъ характеромъ какъ несчастная бонна, но изводилъ насъ всѣхъ игрою на скрипкѣ. Я рѣшилъ сдѣлать ему легкое предупрежденіе... Конечно, на этотъ разъ я былъ болѣе остороженъ, зная губительную силу средства находившагося въ моихъ рукахъ.

Самое трудное было получить его фотографію. Двѣ недѣли я поджидалъ удобнаго случая и, въ концѣ концовъ, получилъ крошечное изображеніе, которое пришлось увеличить. Опытъ я рѣшилъ произвести вечеромъ, когда скрипачъ имѣлъ обыкновеніе подходить къ раскрытому окну своей мансарды и отравлять существованіе сосѣдей своей несносной игрой.

Изъ сосѣдней комнаты я отлично видѣлъ его фигуру и даже выраженіе его лица. Когда онъ приложилъ скрипку къ подбородку и приготовился играть, я осторожно дотронулся прядью до фотографіи: еле-еле, такъ, какъ дотрагиваются рукой до электрическаго провода, чтобы узнать, есть-ли токъ. Это первое прикосновеніе не произвело на скрипача никакого эффекта, и я дотронулся до фотографіи вторично, на этотъ разъ нажимаемая сильнее. Дѣйствіе было мгновенное: скрипачъ отбросилъ инструментъ, перегнулъ-

ся черезъ окно и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ судорожно вдыхалъ воздухъ, широко раскрывая ротъ. Онъ, видимо, сильно страдалъ.

Послѣ этого случая, мнѣ пришла въ голову мысль, что лучше всего было бы, пожалуй, съечь эту проклятую прядь. Но потомъ я раздумалъ и рѣшилъ изучить болѣе тщательно ея дѣйствіе. Не стану утруждать васъ подробными разсказами о моихъ опытахъ, которые длились нѣсколько мѣсяцевъ. Скажу только, что я установилъ всю гамму дѣйствія пряди, начиная отъ простой головной боли и кончая смертью. Въ свое оправданіе долженъ замѣтить, что самые опасные эксперименты я продѣлывалъ надъ изображеніями не людей, а животныхъ. Вообще, если подумать, какой страшной силой я владѣлъ, — нельзя не признать, что я выказалъ при этихъ обстоятельствахъ много самообладанія.

Теперь, когда я зналъ точную дозировку этого загадочнаго дѣйствія на разстояніи, я сталъ подумывать о томъ, какія можно изъ него извлечь практическія выгоды. Откровенно сознаюсь, что первая мнѣ пришла въ голову мысль объ операціяхъ со страховыми полисами; однако, я сообразилъ, что этотъ путь и опасенъ, и непрактиченъ. Съ одной стороны, надо ждать годъ, пока застрахованный умретъ; кромѣ того, нѣсколько такихъ загадочныхъ смертей подрядъ могутъ вызвать подозрѣніе полиціи. Неожиданно меня осѣнила счастливая мысль: почему бы не примѣнить мое средство на скачкахъ. Вѣдь достаточно поставить все состояніе на самую невѣрную лошадь и затѣмъ устроить такъ, чтобы всѣ остальные не пришли. Для этого мнѣ нужно было только наклеить фотографію всѣхъ лошадей на большой картонный листъ и постепенно дотрагиваться до нихъ таинственной прядью. Не нужно было даже убивать животныхъ: достаточно бы-

ло только нѣсколько оглушить всѣхъ нежелательныхъ конкурентовъ. Однако, и тутъ нужно было дѣйствовать осторожно: представьте себѣ, что всѣ лошади, кромѣ одного оутсайдера, попадаютъ: въ этомъ случаѣ скачки просто были бы объявлены недѣйствительными, особенно если бы это повторилось нѣсколько разъ. Я рѣшилъ сдѣлать сначала два-три пробныхъ эксперимента, и въ первый же разъ опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Я выигралъ довольно большую сумму денегъ, поставивъ десять шиллинговъ и получивъ 40 за 1. При выходѣ съ ипподрома я вдругъ почувствовалъ, что кто-то забирается рукой въ мой боковой карманъ. Инстинктивно я схватилъ эту руку и крѣпко прижалъ ее къ груди, чтобы воръ не успѣлъ ее убрать. Раздался трескъ: то лопнула стеклянная пробирка, въ которой лежала чудодѣйственная прядь. Осколками стекла порѣзало руку вора; вокругъ меня поднялся шумъ, произошла свалка: сообщники вора пытались его отбить, пользуясь замѣшательствомъ. Однако, подоспѣвшая полиція задержала всю банду, и мы отправились въ комиссаріатъ. Тамъ дежурный врачъ перевязалъ руку вора, а меня спросилъ:

— Здѣсь въ раздавленной пробиркѣ были какіе-то волосы. Они вамъ нужны?

Конечно, я отвѣтилъ утвердительно, и врачъ переложилъ ихъ въ пустой флаконъ изъ подъ жидкости. Я его поблагодарилъ и, придя домой, послѣдшилъ вытряхнуть содержимое флакона, чтобы переложить волосы въ болѣе подходящее мѣсто: увы, отъ нихъ остался только комочекъ слези. Должно быть, это былъ флаконъ изъ подъ сѣрной кислоты или соляной кислоты, и въ остаткахъ ея растворилась и погибла навсегда загадочная прядь.

Кто знаетъ, можетъ быть, это и къ лучшему.

А. Дж. Аллэнъ

Литературная недѣля

ЗАПИСКИ А. Л. ТОЛСТОЙ. — ВЕЧЕРЪ МАРИНЫ ЦВѢТАЕВОЙ. — КОНЕЦЪ "НОВОЙ ГАЗЕТЫ". — АРТУРЪ ШНИЦЛЕРЪ. — "ТѢНЬ ПТИЦЫ" БУНИНА. — В. ГИППІУСЪ. "ГОГОЛЬ" — "ЗАВИСТЬ" ЮРІЯ ОЛЕШИ.

Въ новой книжкѣ "Современныхъ Записокъ" — продолженіе воспоминаній Александры Львовны Толстой.

Они оставляютъ все то - же двойственное впечатлѣніе. Интересно чрезвычайно, но и довольно неприятно... Имѣю въ виду, конечно, то, что разсказываетъ авторъ о своей матери. Одно слово, одно случайное замѣчаніе — и глубокая "пристрастность" этихъ записокъ становится очевидной.

Никто не рѣшится Александру Львовну осуждать. Ей лучше знать, о чемъ разсказывать, о чемъ молчать. Да, вѣроятно, она и думала долго, прежде, чѣмъ рѣшиться на обнародованіе своихъ мемуаровъ. Но не могу отдѣлаться отъ мысли, что едва-ли Левъ Толстой одобрилъ бы ихъ появленіе. Развѣ что черезъ сто лѣтъ, когда всѣ страсти улягутся, всѣ споры забудутся...

**

Марина Цвѣтаева каждой весной устраиваетъ свой вечеръ.

Въ этомъ году, въ программѣ его, кромѣ стиховъ, были "воспоминанія о Мандельштамѣ".

Убѣжденъ, что далеко не всѣмъ, кто будетъ эти строки читать, имя Мандельштама извѣстно. Странная судьба у этого поэта. Въ кругахъ литературныхъ его стихи цѣнятся необычайно высоко, "на вѣсъ золота", можно было бы сказать. Анна Ахматова назвала его первымъ русскимъ поэтомъ, — и это было при жизни Блока. Но въ "широкую публику" онъ не проникъ. Есть на это причины, конечно, — ихъ долго бы излагать.

Итакъ, Марина Цвѣтаева разсказывала о Мандельштамѣ. Не могу сказать, чтобы разсказъ былъ достоинъ вниманія. Скорѣе, наоборотъ. Было въ немъ много мелочей, много пустяковъ, еще больше полемическаго задору, — и хоть въ полемикѣ Цвѣтаева была права, слушать ее было досадно и тягостно. Разъ въ годъ выступаетъ она, — умный, талантливый человѣкъ, — и не находить ничего поинтереснѣе, о чемъ бы подѣлиться со слушателями. О томъ же Мандельштамѣ разсказать можно было совершенно иначе, совсемъ другое.

Во второмъ отдѣленіи Цвѣтаева читала стихи. Если бы оцѣнивать стихи отгѣтками, то за нѣкоторые надо было бы поставить Цвѣтаевой ноль, за другіе двѣнадцать съ плюсомъ.

**

Не успѣли критики и рецензенты — и я въ ихъ числѣ — пожелать "Новой Газетѣ"

процвѣтанія и развитія, какъ она "приказала долго жить".

Фактъ печальный. Онъ лишній разъ убѣждаетъ, что еженедѣльный печатный органъ, посвященный исключительно литературѣ, въ эмиграціи существовать не можетъ. Не было, впрочемъ, такого органа у насъ и въ Россіи.

"Новую Газету" искренно жаль. Въ ней писала преимущественно молодежь: изъ статей этихъ мы узнавали кое-что о мысляхъ и настроеніяхъ "нашей смѣны", — если воспользоваться выраженіемъ, привившимся въ совѣтской Россіи.

**

Изъ бесѣды Артура Шницлера съ журналистомъ, появившейся недавно въ одной вѣнской газетѣ:

— Я боюсь и избѣгаю людей, которые настойчиво желаютъ узнать, что именно предпочитаете вы: осень или весну, собакъ или кошекъ, пиво свѣтлое или пивое темное, Толстого или Достоевскаго....

Шницлеръ долженъ признаться, что никакъ не можетъ рѣшить, что ему больше нравится: "Анна Каренина" или "Братья Карамазовы". Это вполне понятно. Многіе раздѣляютъ съ нимъ эти колебанія. Но сомнѣнія насчетъ пива, кажется мнѣ, не такъ ужъ неразрѣшима.

**

Новая книга Бунина "Тѣнь птицы" по существу не нова. Это давнія путевыя замѣтки и записи, сдѣланныя во время долгихъ странствій автора по восточнымъ морямъ и странамъ.

Книга проникнута сосредоточенной, острой мыслью. А о томъ, какъ она написана — излишне говорить, разъ я сказалъ, что авторъ ея Бунинъ.

**

Чрезвычайно интересенъ "Гоголь" — только что вышедшая въ Москвѣ книга Василя Гиппіуса.

Книга Гиппіуса... Собственно говоря, автора въ этой книгѣ нѣтъ. Есть составитель. Гиппіусу принадлежитъ лишь короткое, дѣловое предисловіе. Остальное — цитаты, выдержки изъ писемъ Гоголя и къ Гоголю, отрывки изъ воспоминаній о немъ. Это тотъ литературный жанръ, который сейчасъ въ Москвѣ именуется "монтажемъ".

Документы подобраны хронологически. И, надо сказать, что ни одна книга о Гоголѣ не производитъ большаго впечатлѣнія, не знакомитъ ближе съ нимъ, чѣмъ эта сухая, безличная сводка. Ничего новаго въ ней

нѣтъ, но документы одинъ другого дополняютъ, и въ сосѣдствѣ съ другими каждый становится краснорѣчивѣе и значителнѣе.

Разумѣется, той остроты и послѣдовательности мысли, которая имѣется въ писаніяхъ Розанова о Гоголѣ и особенно въ незабываемой книгѣ Мережковскаго, здѣсь не найти. Но сколько фактовъ, чертъ, замѣчаній необыкновенной цѣнности. Вересаевъ недавно составилъ такую же книгу о Пушкинѣ: книга о Гоголѣ не менѣе интересна.

Невольно повторяешь, читая этотъ сборникъ, знаменитыя слова Тургенева:

— "Какое умное, и странное, и больное существо".

Дѣйствительно, какой гениальный и странный человѣкъ — Гоголь. По силѣ дара, это едва ли не величайшій русский писатель. Толстой и Пушкинъ кажутся блѣдными при непосредственномъ сравненіи съ нимъ.

Но Толстой и Пушкинъ говорили какъ будто отъ имени всей Россіи: они скорѣе избѣгали своеобразія, чѣмъ искали его. Гоголь же прежде всего — "странное существо", неповторимо - индивидуальное, ни на кого и ни на что не похожее.

Принято говорить: Гоголь — великій реалистъ. Это, конечно, вѣрно... Но за "великимъ реализмомъ" былъ въ Гоголѣ измученный, одинокій, непонятно-сложный человѣкъ, съ таинственной жизнью, съ таинственной смертью.

**

Знаменитая "Зависть" Юрія Олеши вышла въ зарубежномъ изданіи.

Настойчиво рекомендую эту повѣсть читателямъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ цѣнителей, "Зависть" — лучшая вещь въ совѣтской литературѣ за все время ея существованія. Если въ подобныхъ отзывахъ и есть преувеличеніе, несомнѣнно все-таки, что повѣсть Олеши — произведеніе замѣчательное.

Въ ней два героя: одинъ — веселый, здоровый, всѣмъ всегда довольный совѣтскій сановникъ Андрей Бабичевъ, предсѣдатель пищевого треста; другой — грустный, обиженный, униженный въ лучшихъ своихъ чувствахъ, "интеллигентъ", лишний человѣкъ, Кавалеровъ.

Кавалеровъ завидуетъ Бабичеву. Отсюда названіе повѣсти. Онъ завидуетъ, такъ сказать, не лично, а отъ имени всѣхъ "бывшихъ", обиденныхъ и распотаненныхъ торжествующей новой жизнью... Одна только зависть Кавалерову и остается.

Книга остроумна и глубокомысленна — сочетание рѣдкое. Въ ней далеко не все приятно и даже пріемлемо. Но любопытно все.

Георгій АДАМОВИЧЪ.